

Поэт с датой производства 1977 года. Родился, вырос в Москве, но часто бывал в Горьковской, а теперь — Нижегородской области, откуда родом мой отец. Писать начал в три года, а напечатали мои стихи впервые в «Пионерской правде», когда мне было восемь лет. Но эта публикация очень долгое время была и единственной, хотя стихи продолжаю писать практически без перерывов и до настоящего времени. Знакомство с нынешними молодыми питерскими и московскими поэтами лично для меня стало поворотной точкой — я перестал писать в стол. Активно публикую стихи с 2014 года в Интернете, мои стихи вышли и в сборнике «Родная земля» в 2014 году. По профессии я проектный менеджер, по специальности экономист и социолог, живу и работаю в Москве и во Франкфурте на Майне, Германия. Поэзию воспринимаю как отдушину и окно для незамутнённого общения с миром — пишу о том, о чём думаю, поэтому тем много — буду рад, если вас заинтересует эта небольшая подборка моих стихов.

ИДЁМ ПО СЕЛУ

Под тираном ели бутерброды
Как тогда, в далёкие года.
Высшая концепция свободы
В пальцах раскрошилась навсегда.
Запивали пивом или соком,
Приняли по маленькой на грудь
И пошли. А в небесах выСоко,
Низачем болтался млечный путь.

После у ограды постояли
Кладбища, закрытого на днях,
Ну а звёзды так в глаза сияли,
Что, казалось, обращали в прах,
Уносили в миртовые рощи
Некогда богатого села:

"Как там, дома, мамочка, попроще?"

"Антонина тройню родила."

"Непорядок в графике с мазутом."

"Окуней поймали пять кило."

...Улететь бы сказочным маршрутом,

Прямо сквозь разбитое стекло,

Обогнув косящие заборы

И гумна чернеющий проём.

Нам бы всем такие телефоны,

Чтоб вели едино в отчий дом,

Без обиняков, обид и спеси,

Без раздумий, тяжких и больных.

Родина не любит сладкой лести.

Я - её лирический жених,

В отражениях где-то затерялся

На просторах матушки-души.

Русь моя, я так тебя боялся,

Что и жизнью даже не грешил.

... Из оврага поднялись на кручу,
Грай душил слезами, как дождём.
Мы с тобой до счастья невезучи,
Никогда отсюда не уйдём.

Будем целовать сырые листья,

Сыпать их золу поверх волос.

И не говорить о жизни смысле,

В смысле том, что в нас оборвалось.

ЗИМОЙ В ЦИРКЕ

Ты не веришь ни в бога, ни в снежную взвесь,
Вперившись в небо пустыми глазницами
Тело, ещё напряженное здесь,
Вдруг понимает - остановиться бы.

Взрывами новых галактик
Плёл надежды высокие звуки,
Ну а теперь ты окуклился, хватит,
Руки - это же просто руки,
Ноги - только идти по дороге,
Сердце - бояться и взвешенно думать.
Что вдруг судьбе отвечать, недотроге,
Если полсотни ей липкие всунуть?

Сухо в гортани, третейские трубы
Труса сыграли в четвертом колене.
Лес за дыханием дерюгою грубой
Вспоенных спиртом простых поселений.
Вдруг всё закончилось? В приступе суток
Ты истомился, весёлый циркач:
Вечер антрактом, судьбы промежутков,
Выжито времени венами вплачь.

Что-то за гранью случится такого,
Невозведённого в годы и луны,
Нас отчитают из месяцеслова,
Колокол нёбом сольётся чугунным
С гарью каминов, с вином полушарий,
С сетью твоих эндорфинов и славы.
Нет, ничего уже здесь не прибавить
Даже Хорею с его переправой.

Слава - копейка, а небо - с овчинку,
Вот потому ты стоишь перед залом.
Смелость, что вложена в жизни личинку,
Бабочкой белой себя доказала.

ДИАЛОГ С ДОКТОРОМ

«У вас недостаток любви», -
Доктор ворчал в стетоскоп,
«Внутри оборона и рвы,
И битва за слабость идёт.
За право самой не решать,
За счастье в клетушке. Успеть
Любить, выйти замуж, рожать.
Внутри вас литавры и медь.
Внутри отставной батальон
Любимых мужчин разных лет,
Примеривших маски имён,
Которых теперь больше нет».

И доктор налил до краёв,
Ссутулился, выпил и сел.
А спирт орошал водоём,
И плыло пространство меж тел.
«Мне страшно», — сказал эскулап,
«Я тоже, признаться, один,
Чураюсь их хищных я лап,
Ко мне подбивающих клин.
Во мне недостаток тепла,
Я — блоки бетонные, лёд.
И как-то ведь всё не со зла,
Да что-то никто не поймёт.»

А вечер горел за окном
Неоном и шумом реклам.
Мы пили, давились вином,
Стремилась разъехаться в хлам
За страх, за поход воевать,
За стыд от бесстыдства. За век,
В котором талант убивать
Так быстро развил человек.
За нас, одиноких вдвоём,
Тепла не нашедших в себе.
Оконный высокий проём
Грозил докоснуться небес
И выхлебать робость утра,
Упасть, придавив под собой
Огромную нежность добра,
Собой заменившую боль.

И к задумчивому вою
Примешался голос страсти:
Тело пастыря живое
Будет порвано на части,*
По кувшинам кровь разлита,
Чтоб рубиновым вином
Наслаждалась ночью свита.
В горло, в рёбра будет вбита
Страсть народа жить «потом»,
Жить когда-нибудь, попозже,
А пока... Повороти,
Размозжи, возница, вожжи
О безвремение пути,
Бей, хлещи седых вассалов,
Тучных глупых поселян.
Пусть от ссадин и ударов
Свиты витязь станет пьян,
Груб, безудержно прозрачен.
Открывая двери жён
Он берёт их, воссиятель,
Скачет в поле, обнажён,
И кладёт, кладёт поклоны
Всем богам. В его чести
Зверства столь же бесподобны,
Как и музы древней стих.
И молчание, без ветра,
Без ярма и батога.
Русь, за что тебе всё это?..
Ты ли, Русь, моя судьба?..

2015

* Первый катрен из стихотворения Велимира Хлебникова «Погонщик скота, сожранный им»

СОЗВЕЗДИЕ ОГУРЦА

Леденцом рассосалась память.
Что ни планета - то маленький принц,
Шевелится, зовёт руками:
"Смотри на меня, смотри..."
Но им всем по-разному двадцать,
Четырнадцать, пятьдесят.
Пора начинать бояться
Их жизней следов в глазах.

Бывает, что утром выйдешь,
Расправишь родной портфель,
И тысячи разных мыслей
В мозги открывают дверь.
Тут важно им всем не сдаться.
Но выбраться тяжело.
Пора начинать бояться:
Забрало вращёт в мурло.

Погоды стоят лихие,
То ливень, то ураган.
Бушует разгул стихии,
Стволами метёт к ногам.
А вдруг, он ещё и меток,
Конечности мне свернёт?
Боюсь я за жизни слепок,
Как гордых дерев пенёк.

А вдруг, разобьётся роза,
К Азора падёт стопам?
Осколками жизни строго
По рюмкам и пирогам,
Простому домов уюту,
Затянутых в бахрому.
Вдруг в пику судеб маршруту
Я быт за венец приму?

Пора начинать бояться
Себя самого, друга.
Солидного постояльца,
Что пожил, от жизни взяв,

Ломаясь и потребляя,
И в небо давя метан.
Мечтами дойдя до рая,
Но глядя в пустой стакан.

Закручены с огурцами
Все банки стоят, галдят.
Вы, случаем, не видали
Других огурцов-ребят?
Они хороши под водку,
Хрустящи, чтоб без обид.

Вот ты и не пожил толком,
Под рюмочку был убит...